

Общепризнано видеть единственный источник трагедий Сумарокова во французской классицистической трагедии XVII—первой половины XVIII в. В том, что он следовал великим французским драматургам, Сумароков не боялся признаваться и не скрывал этого. Он действительно перенес на русскую почву общую схему построения классицистической трагедии. Его пьесы, выдержанные в системе драматических правил, приближавшейся к французским образцам, были к тому же написаны правильным александрийским стихом, признанным размером высокой французской трагедии, что также было для русского театра новым.

Тем не менее в целом ряде моментов структура сумароковской трагедии отличалась и самостоятельностью. На эту сторону драматургии Сумарокова обратил в свое время внимание Г. А. Гуковский в статье «О сумароковской трагедии» и детально проанализировал ее.¹ Известный отход русского драматурга от слепого копирования французских трагедий Г. А. Гуковский справедливо объяснял своеобразным пониманием Сумароковым функций театрального представления. Исследователем имелась в виду «моральная направленность» трагедий Сумарокова, их прямое задание «исправлять души зрителей». Это оказывалось прямо связанным с отчетливо выраженной «моральнооценочной характеристикой персонажей», счастливыми развязками большинства трагедий, отходом от системы наперсничества и т. д.

Объяснения Г. А. Гуковского были основаны в значительной мере на учете особенностей трагедийного наследия Сумарокова в целом. Не случайно структура трагедий Сумарокова, по мнению исследователя, раз оформившись, уже более не изменялась. Однако наиболее заметно изменения в художественной структуре трагедий Сумарокова — нарастание голого дидактизма, фактическое освобождение от определяющей роли любовных коллизий — проявились в трагедиях завершающего этапа творческого пути драматурга (как, например, в «Димитрии Самозванце»). И это лучшее свидетельство того, что осознание Сумароковым своих трагедий как школы дворянства и государей проделало известную эволюцию и на первых порах было осложнено иными побочными факторами. В то же время своеобразие художественной системы сумароковской трагедии и ее отличия от французских образцов налицо уже в самых первых опытах, в «Хореве» и «Гамлете». Тем самым проблема генезиса этого своеобразия остается открытой. И ограничиваться при ее решении только европейскими источниками, по-видимому, недостаточно. Ведь существовал целый период развития национального театра, который до сих пор обычно рассматривается как антипод театру, созданному Сумароковым, во всяком случае с ним никогда не соотносился. Мы имеем

¹ В кн.: Поэтика. Временник отдела словесных искусств, вып. 1. Л., 1926, стр. 67—80.